

ПАНОРАМА: ИСТОРИЯ МИРА II

Тенденции и контртенденции в
современном мире

Компьютеры, как известно, вышли из опыта войны – таких устройств, как «бомба Тьюринга», позволявших прочитывать зашифрованные германской «энигмой» шифровки. После войны американскими и советскими учеными были сконструированы громоздкие вычислительные машины, направленные на разрешение ряда задач холодной войны. Введение же транзисторов вместо вакуумных ламп создало условия для появления компьютеров персонального использования; пионерами в этой области стали соучредители компании «Эппл» Стивен Джобс и Стивен Возняк, представившие в 1976 году первый персональный компьютер на рынке. За ними последовали основатели компании Майкрософт Билл Гейтс и Пол Аллен, создавшие оперативную систему MS-DOS для компьютеров IBM.

С этих шагов началось триумфальное шествие персональных компьютеров по планете. В 2002 году был продан миллиардный компьютер. На данный момент мир располагает двумя миллиардами персональных компьютеров.

Интернет, как и компьютер, стал порождением войны – только войны холодной. Американские военные и ученые начали пользоваться прообразом интернета еще в 60-х годах для обмена информацией между компьютерами. С 80-х годов начинается развитие технологий, превративших протоинтернет в продукт массового потребления: ethernet, первые браузеры.

С появлением всемирной сети, рост интернета можно обозначить не иначе, как «взрывной». Если в 1995 году количество пользователей интернета составляло 16 миллионов человек – т. е. около 0,4% от общего населения планеты, то 20 годами спустя в мире интернетом пользовались 3 миллиарда 400 миллионов человек, почти половина населения. Это, более чем 200 кратное увеличение, скрывает факт неравномерного внедрения интернета на планете: процент проникновения интернета на рынке варьируется от 15 в Африке до 80 в Северной Америке.

То, что союз компьютера с интернетом (как когда-то угля с паром) изменил мир является абсолютным truизмом. Человечество, если и не стало единым, то вошло в единое информационное пространство. Это объединение не упростило, а усложнило механизмы общественных отношений. Огромное количество информации стало доступным, что, конечно же, дало мощнейший толчок технологическому развитию; с другой же стороны, подключение всех и вся к этому, постоянно растущему информационному полю, как никогда остро ставит вопросы о смысле и возможности автономного существования, о применимости таких понятий, как «личное пространство» и конфиденциальность, в конце концов, об определении человека в эпоху виртуальной прозрачности и больших данных.

Технология раскрывает перед нами глубинные секреты и создает возможности, о которых и нельзя было мечтать; но она не отвечает на вопрос, кто будет в состоянии этими возможностями пользоваться.

Характеризуя деятельность человека в целом, противоречия способствуют оформлению основных задач перед ним. Безусловно противоречивыми являются тенденции в глобальной экономической сфере последних 40 лет. С одной стороны, как и в первые послевоенные десятилетия, мировой ВВП продолжает расти; однако рост этот обрывист, полон зазубрин в виде резких скачков и не менее резких падений.

С нефтяным кризисом 1973 года пришел конец устойчивому росту послевоенной мировой экономики; нефтяной кризис 1978-1979 гг. только закрепил эффект предыдущего кризиса, выявив уязвимость питаемых углеводородами индустрий.

В 70-х годах экономики Западной Европы значительно снизили темп. Началось медленное, но неуклонное смещение центра экономической тяжести в сторону некогда «развивающихся стран». Начатые после смерти Мао Дзедуня Дэн Сяопином реформы по либерализации экономики Китая превратили страну к началу 21 века в главного мирового промышленного производителя. В 2014 году реальный ВВП Китая обошел ВВП США. Вокруг Китая в 70-х годах возникли динамично растущие экономики – «Азиатские Тигры»: Южная Корея, Гонконг, Тайвань и Сингапур. За ними в 90-е годы последовали готовые превратиться в тигров «тигрята» – Вьетнам, Филиппины, Малайзия, Индонезия и Таиланд. Сильно выросла экономика Индии, давно обогнавшая по ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности, свою бывшую метрополию – Великобританию. В совокупности же, доля развивающихся экономик за последние 35 лет возросла с 35 % до 60 % мирового номинального ВВП.

Как показывает пример Китая, экономический рост в развивающихся странах шел нога в ногу с экономической либерализацией. Явление либерализации оказалось глобальным и не касалось только Третьего мира. Так, знаковым стал приход на Западе к власти политиков с неолиберальными взглядами: Маргарет Тэтчер в Великобритании и Рональда Рейгана в США. Оба считали роль государства в экономике чрезмерной, налоги завышенными, бюрократию малоэффективной; их политику характеризовали уменьшение расходов на общественные нужды (и увеличение военных расходов), снижение пошлин и налогов. На идеологическо-дискурсивном уровне они подчеркивали ответственность индивидуума за свое благополучие.

Проводимая Рейганом и Тэтчер неолиберальная политика стала предвестником участвовавших атак на институт социального государства в Европе. Все большее количество политиков начинает высказываться о необходимости частичного сворачивания социальных программ в целях повышения конкурентоспособности европейских экономик.

Событием, заставившим некоторых комментаторов утверждать о безоговорочном триумфе либерализма – в том числе и либерализма экономического – стал распад СССР и исчезновение связанного с ним геополитического порядка. С середины 70-х годов плановая Советская экономика вошла в период стагнации. Предпринятые Михаилом Горбачевым попытки ее оживить только усугубили кризис. К экономическим проблемам добавились требования национальных советских республик о предоставлении им большего и реального, а не декларативно-формального суверенитета – а в перспективе и независимости. За несколько лет, партия, правившая страной единолично на протяжении 70 с лишним лет, потеряла значительную часть легитимности. Последовательный выход всех 15 республик из СССР поставил крест на советском эксперименте и вместе с этим подвел черту под холодной войной. Новые государства приступили к строительству собственной версии капитализма, инициировав процесс приватизации предприятий, некогда находящихся под бдительным присмотром партийной номенклатуры.

Глобальный рост экономики не повлек за собой сокращения разрыва между бедными и богатыми. Наоборот, разрыв, в особенности в динамично развивающихся экономиках Азии и в США за последние 30 лет только увеличился. Увеличился и разрыв между «Глобальным Севером» и «Глобальным Югом», т. е. между самыми богатыми регионами и самыми бедными. По сути, это означает, что в мире, располагающим невиданным прежде богатством, существуют параллельные формы действительности; с одной стороны находятся страны, подобно США, в которой среднестатистическая семья владеет 2 автомобилями; с другой стороны расположены страны Африканского рога, в которых среднестатистический житель потребляет менее 1,500 калорий в день (столько требуется для биологического поддержания тела в состоянии покоя). В таком положении находится около 800 миллионов человек, при этом в некоторых странах количество недоедающих или голодающих превышает половину населения.

Распад Советского Союза в очередной раз продемонстрировал мобилизующую силу национализма. Национальное государство было и остается ключевым игроком мировой политики: оно задает направление политики идентичности, снабжает население символами причастности к некому большему целому, пишет историю прошлого, проектирует будущее, выдает паспорта и определяет кого из соседей по планете радушно принимать, а кого задерживать у входа. Граждане Сингапура или Южной Кореи, скажем, могут посетить 165 из 198 стран земного шара без визы, или получить ее в порту прибытия. Приблизительно такое же количество стран будет требовать визы, дающей разрешение на въезд, у носителей пакистанского, иракского и афганских паспортов. Стоит ли говорить, что деление на паспорта, предоставляющие возможность для более свободного передвижения, и паспорта, ограничивающие такие возможности, весьма точно повторяет границу между регионами изобилия и регионами нищеты.

Глобальное насилие, запечатленное в войнах, также отражает этот, пусть и дипломатически не признанный, глобальный водораздел. Смертоносность конфликтов за время, прошедшее с окончания Вьетнамской, Афганской или Ирано-Иракской войн, существенно снизилась, хотя такие, вдохновляющие на оптимизм, данные, вряд ли смогут ободрить сирийцев и южносуданцев, бегством спасающихся из разрушенных гражданской войной регионов.

Вспыхивающие на территории небольших и чаще всего бедных государств, многие из этих войн ведутся большими державами «на расстоянии» – ракетами дальнего и среднего действия, и беспилотниками нового поколения. Неравенство технологических средств, обусловившее подъем колониальных империй в 16 и 19 веках – снова неотъемлемая часть боевых действий. Противостояние копья и пулемета не осталось в прошлом, а просто приняло другие формы – во всяком случае, именно в таком ракурсе предстают перед нами конфликты израильтян с палестинцами, американцев с многочисленными вооруженными формированиями в Ираке и Афганистане, саудитов с войсками Революционного Комитета Йемена.

Войны, однако, уже не являются монополией государств; нередко по другую сторону баррикад находятся боевики транснациональных радикально-революционных организаций, именуемые в современном новостном дискурсе представителями мирового терроризма. Такие организации, как Аль-Каида и ИГИЛ, извлекли огромную для себя пользу из технологической революции последних десятилетий. Интернет дал им инструменты, позволяющие координировать свои действия, распространять идеологические программы и пополнять ряды за счет новобранцев со всего мира. Используемые террористическими группами новые технологии не значат, что у выдвигаемых ими требований нет своих, глубоких, корней. Как и в более традиционных войнах, в терроризме легко усмотреть империалистический след, провал секулярных модернистских проектов, деморализованное коррупцией политических элит общество, и, конечно же, глобальное экономическое неравенство. Борьба с терроризмом подразумевает понимание этих структурных причин не в меньшей степени, чем создание за счет ограничения гражданских прав мощных аппаратов безопасности.

Конечно, когда речь заходит о транснациональных организациях, то людям на ум чаще всего приходят не террористические ячейки, а многомиллиардные корпорации, ООН с его многочисленными ответвлениями, Красный Крест и Красный Полумесяц, Всемирный Банк, МВФ, и международные неправительственные организации – МНПО. Количество последних за последние 50 лет выросло с 5 тысяч до 40. Самые крупные из них – такие как Фонд Ага Хана, Врачи без Границ, World Vision International располагают миллиардными бюджетами и содержат штаты в десятки тысяч человек. Их значимость в современном мире неоспорима. Во многих регионах со слабым государственным присутствием, в районах с разрушенной боевыми действиями и стихийными бедствиями инфраструктурой, именно на них ложится основное бремя по поддержанию основ общественной кооперации, предоставлению гуманитарной помощи, развитию экономических и гражданских институтов, защите фундаментальных прав.

Рост в числе и значимости МНПО на фоне превалирования национальных государств на мировой арене – безусловно одна из определяющих тенденций современности. Пока не понятно, по каким правилам будут выстраиваться отношения между государствами и негосударственными структурами. Навряд ли государство позволит НПО вмешаться в свои ключевые прерогативы; не в силах, скорее всего, оно будет и полностью контролировать их шаги и определять их повестку. История их взаимодействия находится еще в начальных фазах, и поэтому полна интриги.

Международные организации отражают простую мысль о том, что проблемы, с которыми мы сталкиваемся, не остаются в пределах отдельных государств. Бедность, гендерное неравенство, расизм – это проблемы планетарного масштаба, присущие как развитым, так и развивающимся экономикам. Фундаментальной глобальной проблемой, пренебрегающей границами между государствами, языками, религиями и культурами является продолжающееся ухудшение условий окружающей среды. Технологические нововведения позволяют нам использовать энергоресурсы более эффективно, с меньшей растратой. Это, однако, приводит к увеличению потребления энергии в целом. Продуктивизм был и остается принципиальной доктриной национальных экономик. Успех государства для большинства ассоциируется с ростом ВВП и увеличением потребления, а не с сохранностью лесов, чистотой рек, отсутствием токсинов в почве или наличием запасов пресной воды.

Закрывать глаза на состояние экологии мы не можем. Необходимо понять, что делать с производимыми ежегодно сотнями миллионов тонн мусора, которые разлагаться не собираются. Убирая мусор с глаз долой, мы забываем, что отходы к нам возвращаются бумерангом в той или иной форме.

Острейшим образом стоит перспектива глобальных климатических перемен. Потепление, вызванное возросшим уровнем углекислого газа, чревато катастрофическими последствиями: засухами, наводнениями, атмосферными циклонами, таянием льдов на земных полюсах. Это не апокалиптические ветхозаветные пророчества, а реалии возможного ближайшего будущего, контуры которого проясняются уже сейчас.

Связанное с деятельностью человека, глобальное потепление указывает на преодоление эпохи голоцена и наступление эпохи антропоцена. Ее основополагающее свойство заключается в способности человека радикально менять окружающую среду. Человек новой эпохи не адаптируется под условия, как большинство живых организмов на земле, а сам адаптирует их под свои нужды.

Природные изменения, вызванные человеком, начались задолго до настоящего момента: с сельскохозяйственной революцией, а затем, значительно ускорив темпы, с промышленным переворотом. Но только недавно, в середине 20 века, мы начали осознавать ту роль, которую мы играем в формировании биосферы. Этим осознанием, пришедшим пусть и с большим опозданием, мы и должны руководствоваться, направляя наши творческие силы на восстановление и поддержание экологически устойчивой среды. В противном случае, сценарии, красочно представленные в постапокалиптических голливудских блокбастерах, могут воплотиться в далекую от экранных страстей и слишком реальную жизнь.

Здесь, на ноте, содержащей надежду и тревогу, мы заканчиваем наше повествование. История, конечно же, на этом не заканчивается. Но, с другой стороны, что есть история – причем история не страны, и даже не общества, а всего человечества? Не ударяясь в глубокую метафизику, мы можем сказать, что история есть направленность сознания во времени. С рождения мы ищем смыслы – ответы на вопросы, что человечество не переставая задает самому себе.

Эти ответы и вопросы потом ложатся в основу тем нарративам, из которых и складывается чувство общего, коллективного становления. В древности казалось, что история подразумевает воспитание благородных качеств в «человеческом животном». Позже, с появлением Христианства и Ислама, история для многих стала хронологией обратного отсчета к Страшному суду и Искуплению. С Модерном, приведённым в действие политическими потрясениями и экономическими трансформациями, история, избавившись от телеологической законченности, предстала перед наблюдателями в виде неумолимого Прогресса – движения к гражданской свободе, к имущественному благополучию, и к контролю над неорганизованными силами природы.

А сейчас? Где мы находимся и какую историю мы будем писать? На чем мы должны сфокусироваться и куда направить свой взгляд? Какими проблемами нам следует заняться в первую очередь? На что потратить наш творческий потенциал? Учитывая нарастающую скорость перемен и масштаб их последствий, мы не можем оставить разрешение этих вопросов только на совесть авторов будущих монографий и учебников – не можем, так как это будущее уже наступило, и в нем, чтобы не вернуться в доисторическую эпоху, мы все, в определенном смысле, обязаны стать историками.